

Взгляд Чу Яо оставался затуманенным, словно он до сих пор не осознавал, в какой опасности находится.

Зажатый в тиски, он послушно запрокинул голову. Его теплое дыхание коснулось мочки уха Цзюнь Жухэна.

— Ты только что был ранен, не дергайся. Береги рану, — его голос звучал так мягко, словно он умирал взъерошенного домашнего зверька.

Цзюнь Жухэн крепко сжал губы. Подстегнутый инстинктом самосохранения, он действовал со сверхъестественной силой: одной рукой намертво перехватил запястья Чу Яо, а вторую жестко прижал к его горлу.

— Советую вашему высочеству больше беспокоиться о себе, — в голосе Цзюнь Жухэна сквозила неприкрытая угроза. — Люди предали духовный мир так глубоко, что эта рана не затянется никогда. Как ты вообще посмел меня спасти?

Во время забытья в сознание Цзюнь Жухэна просочились обрывки чужих воспоминаний — наследие прежнего владельца этого тела.

Упрямая враждебность духовной птицы была более чем оправданна: корни раздора между человечеством и духовным миром уходили на три сотни лет назад.

В те времена, когда мир только выходил из первозданного хаоса, духовный мир безраздельно властвовал над смертными. Предки рода Чу из Инь — один из людских кланов — находились под его защитой и властью.

Но люди Инь пробудились и обрели силу гораздо раньше остальных. Не желая преклонять колени перед духами, они коварством призвали пламя небесной кары. Повелитель духов погиб, его душа развеялась прахом, а преданные ему звери, лишившись покровительства, были обречены на вечные скитания.

Но на этом люди не успокоились.

На протяжении всей эпохи Инь сменявшие друг друга императоры неизменно отдавали приказы истреблять «духовное отребье» — то ли из страха возмездия, то ли ради ядер культивации, пригодных для алхимических снадобий.

С тех пор духи влачили жалкое существование, вечно прячась и вздрагивая от каждого шороха. Их загнали в подполье, лишив всякого достоинства.

Разум духовной птицы был невероятно силен, оттого и видения во сне казались пугающе реальными. Пережив века унижений своего племени, Цзюнь Жухэн очнулся с клокочущей в

груди яростью.

В теплых покоях они были одни: всех слуг и служанок заблаговременно отослали на палубу. От удушья Чу Яо инстинктивно сглотнул. Движение его кадыка отозвалось под пальцами Цзюнь Жухэна мимолетной, странной щекоткой.

Ресницы Цзюнь Жухэна дрогнули. Он с трудом заставил себя отвести взгляд, пытаясь абстрагироваться от выражения лица Чу Яо. Чужая жажда мести почти полностью затопила его собственный разум.

— Полегче... Дышать нечем, — со вздохом прошептал Чу Яо.

Повисло напряженное молчание. Этот непринужденный, слегка укоризненный тон сбивал с толку — так журят расшалившегося ребенка. Цзюнь Жухэн не мог понять: притворяется ли принц или действительно не чувствует опасности.

Пальцы невольно разжались. На безупречно белой, словно нефрит, коже шеи Чу Яо тут же проступили багровые отметины.

— Ты ведь понимаешь, что находишься на императорской яхте Восточного дворца? Стоит мне издать хоть звук, и скрытые стражи ворвутся внутрь. Даже если ты убьешь меня, корабли еще не миновали переправу Куйчуань. Вокруг лишь вода, тебе некуда бежать.

— Уж лучше пойти на корм рыбам, чем стать твоей добычей на этом корабле! — огрызнулся Цзюнь Жухэн, тяжело дыша.

Чу Яо слегка прищурился, уловив мимолетное замешательство в его глазах, и тихо, почти весело рассмеялся:

— Беги хоть в небеса, хоть на дно морское — воля твоя. Но сначала позволь мне избавить тебя от Проклятия холодного льда.

Цзюнь Жухэн растерянно моргнул.

Этого короткого промедления оказалось достаточно. Чу Яо без малейших усилий высвободил руки. Прежде чем Цзюнь Жухэн успел осознать происходящее, в его предплечье уколола внезапная слабость, а чужая ладонь властно легла на поясницу.

Мир мгновенно перевернулся. Теперь уже Цзюнь Жухэн лежал навзничь, опрокинутый на постель, а его затылок опустился точно в ладонь Чу Яо, уберегшую его от жесткого удара о стену.

Даже много времени спустя Цзюнь Жухэн так и не смог понять, как наследному принцу это удалось.

«Разве он не болен с самого детства? Разве он не хрупкий немощный калека, не способный позаботиться о себе?! Как человек с такой реакцией умудрился картинно упасть в обморок на дневном банкете от одного лишь взмаха клинка?!»

Цзюнь Жухэн мысленно проклял лживые слухи, но его собственное тело словно оцепенело, отказываясь повиноваться.

Чу Яо плавно скользнул ладонью выше, помогая ему сесть и опереться о стену. Его тонкие, сильные пальцы коснулись задней части шеи, оставив за собой мимолетный ледяной след.

Холод просочился к ключицам и скользнул ниже, под одежду.

— Что ты делаешь?! — воскликнул он, меняясь в лице.

Чу Яо не ответил.

Пуговицы на вороте расстегнулись одна за другой, обнажая грудь встречному сквозняку. Чу Яо действовал не глядя, на ощупь, но даже в этой двусмысленной ситуации его лицо оставалось безупречно спокойным и одухотворенным, словно он совершал священный ритуал.

Легкое недоумение Цзюнь Жухэна тут же сменилось удушающим стыдом и злостью.

— Да как ты смеешь... — прошипел он сквозь зубы, зажмурив глаза.

Но принц не обращал на его протесты никакого внимания.

От прикосновений холодных пальцев к разгоряченной коже Цзюнь Жухэн чувствовал, как стремительно краснеет. Его дыхание стало прерывистым и горячим. В этих эмоциях было процентов семьдесят чистой злости, а остальное... об остальном лучше было не думать вообще.

Позор, какой позор!

«В своем мире я вообще-то был обладателем черного пояса по тхэквондо! А стоило попасть в книгу, как меня уложил на лопатки немощный калека!»

Если раньше его желание прикончить этого человека диктовалось исключительно рамками сюжета, то теперь это превратилось в сугубо личные счеты.

Внезапно пальцы Чу Яо замерли.

Почувствовав неладное, Цзюнь Жухэн открыл полные досады глаза. Опустив взгляд, он обомлел: с бледных кончиков пальцев принца срывались тонкие, точно шелк, алые нити духовной энергии. Они проникали прямо в грудь Цзюнь Жухэна, вытягивая оттуда клубящуюся черную дымку.

Темная скверна струилась нескончаемым потоком. Сплетаясь в воздухе, черные нити постепенно складывались в очертания зловещего талисмана. С каждой секундой лицо Чу Яо становилось все бледнее, теряя последние краски жизни.

В то же мгновение заблокированная духовная сила в теле Цзюнь Жухэна пришла в движение. Словно бурный паводок, она сокрушила невидимые барьеры и хлынула по меридианам.

Тихий, полный облегчения вздох сорвался с его губ — тело вновь обрело прежнюю легкость и чувствительность.

Но радость оказалась недолгой. Избыток высвобожденной духовной энергии спровоцировал откат, и его выбросило из человеческого обличья прямо в истинную форму.

В зеркале напротив отразилось нечто несуразное: пушистый комок с белым клювом и алым оперением. Внешне это чудо напоминало журавля, но на катастрофически коротких лапках. Он попытался взмахнуть крыльями, но завалился набок, так и не успев оторваться от постели.

«Если я в чем-то виноват перед небесами, пусть меня покарает закон, но зачем заставлять меня летать хуже среднестатистической курицы?!»

Впрочем, падение длилось недолго, да и жесткого удара не последовало.

Открыв глаза, Цзюнь Жухэн понял, что приземлился точно на ладонь Чу Яо. Знакомый горьковатый аромат трав коснулся его обоняния, мгновенно всколыхнув волну недавнего раздражения.

Хотя он прекрасно понимал, что принц только что спас его от проклятия, вредный характер взял верх. Птица пребольно цапнула спасителя за палец, оставив на бледной коже у основания безымянного пальца отчетливый красный след от острого клюва.

Чу Яо тихо шикнул от неожиданности, но в его голосе не было и тени гнева — лишь едва скрываемый восторг.

— Так ты действительно из клана Бифан.

Принц произнес это уже во второй раз за день, но теперь в его словах не было сомнения.

В духовном мире обитало множество волшебных существ, однако главенствовали три великих клана: птицы Бифан, змеи Цяньчэн и лисы Тушань. Поскольку автор новеллы в первых главах так и не удосужился уточнить родословную главного героя, Цзюнь Жухэн и сам понятия не имел, к какому виду принадлежит. Обиженно пискнув, он попытался уковылять к краю ладони, но был безжалостно пойман за шкурку.

Чу Яо поднял птицу повыше, так что они оказались лицом к лицу.

Цзюнь Жухэн уставился своими глазами-бусинками в красивые, подернутые дымкой глаза принца, и его гнев бесследно улетучился. Ему даже показалось, будто в глубине этих незрячих глаз промелькнул едва заметный теплый отблеск.

— Чу Янь приказал наложить на тебя Проклятие холодного льда. Печать снята, но твои духовные силы истощены. Если хочешь поскорее вернуть человеческий облик, веди себя смирно и восстанавливай силы, глупыш.

Подавленный своим позорным нелетающим состоянием, Цзюнь Жухэн пропустил этот снисходительный тон мимо ушей. Ему было не до размышлений о том, каким образом полуслепой, больной принц умудряется с такой поразительной точностью ловить его каждое движение.

Птица утомленно прикрыла глаза, так и не заметив, как на лице Чу Яо медленно расплылась довольная улыбка человека, наконец получившего то, о чем он так долго мечтал.

Чу Яо резко сел в постели, пробудившись от кошмара. Виски его лоснились от холодного пота, а доносившийся с реки ветер пробирал до самых костей.

Воспоминания о пережитом во сне заставили его взгляд потемнеть. С холодным отвращением он сорвал с себя и швырнул в жаровню верхнее платье, которое накануне принес Цзян Ли.

Языки пламени озарили мертвенно-бледное лицо, заплесали в уголках его невероятно красивых глаз, придавая облику принца пугающие, потусторонние черты.

Когда дорогая ткань превратилась в пепел, Чу Яо медленно выдохнул и посмотрел на свои руки. Укус птицы уже бесследно зажил, но фантомная вспышка острой боли до сих пор манила его, заставляя возвращаться к ней мыслями снова и снова.

Накинув туфли, он подошел к столу у окна и налил себе чаю. Скользнув невыразительным взглядом по комнате, принц заметил на шелковой подушечке крошечный алый комочек,

беззаботно спящийверху брюшком.

Днем этот бесенок скалил зубы и топорщил перья, но во сне выглядел абсолютно беззащитным. Губы Чу Яо тронула едва заметная улыбка. Поставив пиалу, он осторожно коснулся кончиком пальца мягкого пухового живота, а затем мягко почесал птицу под клювом.

Во сне Цзюнь Жухэн недовольно дрыгнул лапкой, но так и не проснулся, продолжая доверчиво подставлять спящее горло.

Взгляд Чу Яо сделался загадочным и холодным. Его палец медленно проскользил по острому клюву, шее и замер на груди птицы, где под перьями еще угадывались следы ожогов от ледяного проклятия.

Стоило ему слегка убрать руку, как на коже птицы тусклым золотом проступил узор, напоминающий иероглиф «Яо», и тут же растворился в алом пухе.

В глубине глаз принца отразилось искреннее изумление.

Ночной ветер ворвался в открытую створку, перелистывая страницы старой, затертой до дыр книги «Записи Минхая». Чу Яо накрыл ее своей изящной ладонью и провел пальцами по загнутому уголку одной из страниц.

«В преданиях говорится, что три души птицы Бифан чисты и искренни. Тот, кто заключит с ней священный контракт, сможет подчинить ее первородное пламя, способное развеять любую скверну, исцелить любой яд и...»

— Чжу... — слышался сонный писк с подушки.

Этот тихий звук заставил пальцы принца дрогнуть. Книга с тихим шорохом захлопнулась.

Чу Яо погрузился в глубокие раздумья.

Десятый день третьего месяца двадцать седьмого года правления Вуле

Императорская яхта Восточного дворца миновала переправу Куйчуань и вошла в воды округа Цзинань. Судя по скорости хода, стоило им пройти Удин, как через какую-то декаду они будут в столице.

За несколько дней отдыха Цзюнь Жухэн полностью освоился со своей духовной силой и мог

беспрепятственно принимать человеческий облик.

Однако возвращаться к прежнему виду он не спешил. В глазах обывателей крошечный пушистый комок выглядел куда менее опасным, чем взрослый, полный сил юноша.

Главное божество велело ему следовать характеру своего персонажа, но лезть на рожон никто не заставлял. Цзюнь Жухэн решил затаиться и выжидать идеального момента.

Он настраивался на суровые испытания и тяготы плена, но на деле его жизнь в роскошной каюте оказалась на редкость беззаботной. Кормили его до отвала, а спал он на мягчайших шелках.

Чу Яо проявлял к нему поистине безграничное терпение: мелкий пакостник мог разнести половину каюты, но принц ни разу не выказал недовольства.

В тот день, когда Великий наставник Восточного дворца Ян Бинжэнь попросил об аудиенции, Цзюнь Жухэн вовсю резвился на свеженаписанном пейзаже с цветущей сливой. Чернильные следы от его крошечных лап хаотично покрывали свиток, на удивление гармонично дополняя картину.

— Великий наставник сообщает, что вскоре корабль пристанет к берегу для пополнения запасов, — доложил вошедший Цзян Ли. — Однако у него есть срочное и крайне важное дело. Это касается... наследника принца Яня.

При упоминании Чу Яня птица мгновенно наострила уши.

Чу Яо безошибочно протянул руку и аккуратно сгреб пернатого разбойника в охапку, не позволив тому сбежать. Вернувшись в кресло, он ровно скомандовал:

— Впустить.

Великий наставник Ян Бинжэнь занимал свою должность при Управлении делами наследника уже более десяти лет. Он лично вырастил принца, превратив неразумное дитя в могущественного регента государства, и пользовался непререкаемым авторитетом при дворе.

Чу Яо относился к наставнику с глубоким почтением, поэтому сразу велел евнухам подать гостю чай и принести стул.

Несмотря на преклонный возраст и седину на висках, старик держался бодро, пусть его спина и была слегка сгорблена годами. Однако вместо того чтобы занять предложенное место, он быстро прошел вперед и тяжело опустился на колени перед письменным столом.

Услышав шорох, Чу Яо слегка прищурился и мягко произнес:

— Что вы делаете, учитель? Нам ни к чему эти церемонии.

Принц сделал знак Цзян Ли помочь старику подняться, но Ян Бинжэнь упрямо склонил голову до самого пола. Слова, которые он произнес в следующий миг, заставили Цзюнь Жухэна, увлеченно терзавшего шелковую подушку, замереть на месте.

<http://bllate.org/book/18274/1750175>